

*Сообщение представителя СССР в Чехословакии В. А. Антонова-Овсеенко в Народный комиссариат иностранных дел СССР о беседе с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем**

Прага

5 ноября 1925 г.

4 ноября Бенеш принял меня, как было с ним условлено с неделю тому назад.

Я поставил Бенешу два вопроса: 1) Как согласовать его сообщения мне и заявления в речи 2 ноября¹ об отношении к СССР с изложением его мнения официозами [министерства] иностранных дел — «Прагер прессе»² и «Газетт де Праг»: — «Г. министр заявил, что не является в принципе противником признания»? 2) Как понимать его заявление в экспозе от 30 октября о «новом Локарно, на котором Европа договорилась бы с Россией»? Должна ли проектируемая конференция предшествовать установлению нормальных отношений и для решения каких вопросов — территориальных, политических, экономических, вопроса о так называемой пропаганде — она предназначалась бы?

Бенеш отвечал: 1) «Считайте мою речь 2 ноября подлинным выражением моего мнения. Я там заявил, поскольку мог ясно, что я — за признание; я противопоставил Крамаржу с его ориентацией на несуществующую Россию необходимость договориться, вести реальную политику с Россией существующей». «Для меня вопрос решен уже давно, но до сих пор меня никто не поддерживал всерьез. Социалистические партии в теории были за, но без всякого энтузиазма. Наша компартия этому мешала³, и это (признание) было против партийных интересов социалистов. Теперь обстоит иначе. Вам лично скажу больше — сейчас же после выборов, уже 16, когда начнет решаться вопрос о коалиции, я уверен, социалистические партии поставят вопрос о признании до своего вступления в нее» (Бенеш не хочет сказать яснее — «ультимативно»).

2) На вопрос о «новом Локарно». — «Это не есть предварительное условие. Напротив, установление нормальных отношений должно предшествовать этим общим переговорам. С Россией надо разговаривать «а пье д'эгалите»** (это выражение повторяет затем через каждые четыре-пять фраз).

«Но я, основываясь на заявлениях г. Чичерина и Скшиньскому⁴, и в Берлине, и на вашей же печати, я полагаю, что вы сознаете изменение ситуации — Европа стабилизировалась, и вы изолированы. Вы должны сделать из этого выводы и искать пути к сговору с остальной Европой. И я представляю себе возможной конференцию по вашим вопросам наподобие Локарнской. Эти вопросы могут быть и территориальные, своего рода пакт на востоке, который закончит ряд договоров, гарантирующих всеевропейский мир; это будут и политические вопросы — ведь и в Локарно стояли они, — как вопросы о п. 2 Версальского договора***, так об эвакуации, затем о Лиге Наций; может встать для вас, например, вопрос об отношении к союзу, связывающему нас и Польшу с Францией⁵, и т. д. Конечно, имеются и экономические вопросы, интересующие Евро-

* Из письма в Народный комиссариат иностранных дел СССР.

** На основе равенства (фр.).

*** Так в тексте. Очевидно, имеются в виду ст. 42 и 43 Версальского договора, упоминаемые в Локарнском соглашении; см. сб. «Локарнская конференция 1925 г. Документы». М., 1959, с. 485.

пу, — облегчение взаимных хозяйственных сношений, кредиты и т. д., ликвидация претензий».

«Вопрос о пропаганде, конечно, не должен бы обсуждаться на такой конференции, ведь это определенное условие нормальных отношений, а установление их я считаю предварительно необходимым».

Я: 1) Все же мне неясно, почему ваши официозы так искажают Вашу ясную мысль — не быть принципиальным противником признания и стоять за признание, ведь это не одно и то же.

2) Говоря о «новом Локарно», Вы исходите из неверной предпосылки о нашей изоляции. Мы далеко не изолированы. Мы гораздо меньше изолированы, чем были три года тому назад, когда заседали в Генуе и когда отвергли капитулянтские предложения. Рапалло не было нашим политическо-военным союзом с Германией. Это был договор, создающий почву для хозяйственного сближения⁶. Эту почву мы не утерjali, а укрепили недавно подписанным в Москве так называемым торговым договором⁷. Германия пришла в Локарно через Лондон, через план Дауэса, через экономическую капитуляцию перед англо-американским блоком. Мы совсем не в таком положении, чтобы экономически, а затем и политически капитулировать. Затем, Локарно имело последствием не только усиление зависимости Германии от Англии, но и ослабление связи ряда государств с державами бывшей Антанты; эти государства сейчас в состоянии вести более самостоятельную политику. Это, а также новое положение Франции мы, конечно, учитываем. Далее, наше положение на Востоке и наши отношения с так называемыми лимитрофами говорят также против Вашего утверждения о нашей изоляции. Прибавьте развитие наших торговых сношений с заграницей, рост вдвое наших торговых оборотов, громадный товарный кредит, нам оказываемый, кредит в 100 млн. золотых марок⁸, который Германия могла сделать лишь при попустительстве американцев.

И колоссальный непрерывный рост нашего народного хозяйства (даю пару цифр). У нас нет чувства изолированности. Но мы не отказываемся разговаривать с любой из держав или с несколькими из них, однако, по каким вопросам. Лично думаю, что мы, например, пошли бы на международную конференцию о разоружении. Но мы не пойдем на общеевропейскую конференцию разговаривать о наших долгах или о претензиях частных граждан. Затеять общеевропейскую конференцию с нами по подобным вопросам, значит, организовать единый фронт против нас. Наконец, по экономическим вопросам мы уже договорились с несколькими государствами или ведем переговоры, сообразно всей совокупности наших отношений с каждым из этих государств. Вопрос территориальный — это наш вопрос с Польшей и особо с Румынией; с первой мы имеем подписанный мирный договор⁹, со второй мы уже пытались договориться и не отказываемся при известных условиях разговаривать¹⁰.

Бенеш: Никогда не думал я о едином фронте против вас. И в Локарно не было единого фронта против Германии. Я вовсе не имел в виду конкретной конференции, а лишь тенденцию к улажению договорным путем всех острых недоразумений, разрешению всех спорных вопросов. Это не была бы какая-нибудь единая, общая конференция. Но, например, по вопросам Польши и Румынии возможно было бы договориться на конференции с ними и с нами, тут и вопрос наших отношений с Францией, значит, и присутствие Франции. Я говорю, конечно, только примерно. Также и по другим вопросам. Каждый раз может быть иная комбинация. Но почему неосуществим и общий сговор на востоке, наподобие заключенного

пакта, дополненного арбитражными договорами? Конечно, прежде всего должна быть создана почва, разговаривать надо «а пье д'эгалите».

Бенеш далее согласился со мной, что и он лично предпочел бы разговаривать с кредиторами порознь, не давая им создать общий фронт против себя (я намекнул и на сепаратный сговор ЧСР с Америкой об уплате долгов), и больше к конференции по долгам и т. п. не возвращался, но еще раз и усиленно подчеркнул, что «не имел в виду никакого единого фронта против нас» и «говорил о новом Локарно чисто фигурально». (Я деликатно предостерег его от столь «фигуральных» выражений, которые нашим общественным мнением могут быть восприняты очень неблагоприятно).

Бенеш продолжал: О самостоятельности своей политики его ложно понимали, когда считали связанным с Польшей, он никогда не мог бы стать «орудием в ее руках». «Никогда мы не думали и не будем вести противороссийской политики». «Мое стремление идет дальше только нормальных отношений с вами. Я хотел бы с Россией таких отношений, как с Францией». (Бенеш повторил одно из выражений в его «интервью»).

В заключение вновь подтверждает, что уверен в положительном решении вопроса об отношениях с нами. Социалисты ангажируются, аграрии не посмеют идти против, хотя, конечно, будут интриговать; национал-демократы бессильны помешать. «Нам надо все подготовить для разговора уже к 16».

— Ну, мы не начнем же с торга! Установим сначала нормальную почву.

Бенеш (уклончиво): «Мы ведь уже вели разговор. Мы легко договоримся. Нас ничто не разделяет, наоборот, нас многое сближает».

Я упустил много частностей. Основное:

1) Бенеш пока что решил ангажироваться в вопросе «признания». Мы от одного из редакторов официоза «Прагер прессе» (через корреспондента «Дейли геральд») узнали, что Бенеш еще до экспозе (30 октября) заявлял ему о своем намерении вопрос о признании поставить после выборов ультимативно.

2) Бенеш действует, должно быть, в согласии с Францией, опять работа для сближения ее с нами.

3) «Локарно для России» у Бенеша — это пока не конкретная задача, а скорее прикрытие для попытки самостоятельного сговора с нами (сговора ЧСР, Франции и, может быть, Польши), прикрытие от Англии и «общественного мнения» (Бенеш — «провиденциальный человек все-европейского мира», «спаситель Европы от коммунистической заразы»). Этого здесь должно быть больше, чем забегания перед Чемберленом¹¹: пока что ЧСР нет особой нужды ползать перед Англией, [так как] Бенеш не считает вконец проигранной свою ставку на Францию и еще ищет зацепки в Италии и прощупывает ее и у нас; экономически ЧСР с Англией связана еще относительно слабо; в вопросе, весьма озабочивающем чешское правительство, объединения Средней Европы и, в частности, в вопросе аншлюса Англия не поддержит ЧСР. (Упустил — Бенеш сообщил мне, что «на очереди разрешение средневропейских вопросов»).

4) Мои оговорки — «пока» и т. п. — неспроста: Бенеш — конъюнктурный политик, и его замечания вскользь о нежелательности обострения нами отношений с Англией (хотя бы высказанное и не прямо мне, а через Гаека; впрочем, как будто выраженное Бенешем и на заседании совета министров 2 ноября), как и торжественное, раздутое его печатью, заявление о «русском Локарно», а также влияние его печати, переводящей

на французский и немецкий языки для заграницы его чешскую речь, явно смягчая категоричность его рассуждений о признании («Бенеш в принципе не противник признания»), — все это свидетельствует о подготовке Бенешем ряда лазеек для отступления с его категоричной (особенно в частных разговорах) позиции.

5) Бенеш, по-видимому, намерен, предварительно, [до] установления нормальных отношений, поторговаться с нами.

Антонов-Овсенко

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. VIII, М., 1963, с. 651—655.

- ¹ Beneš E. *Voj o mír a bezpečnost státu. Československá zahraniční politika v projevech ministra dr. E. Beneše 1924—33.* Orbis, Praha, 1934, s. 355—356 a 358.
- ² «Prager presse», Praha, 3. listopadu 1925, č. 301: «В отношении России... мы заняли ту же позицию, диктуемую нам нашей политикой реконструкции, — нейтралитет, умиротворение, экономическое сотрудничество и никакой пропаганды. Без России невозможно европейская политика и европейский мир».
- ³ Это утверждение Бенеша совершенно не соответствовало действительности и являлось провокационным. Коммунистическая партия Чехословакии, как свидетельствуют публикуемые документы, была единственной партней страны, которая настойчиво и последовательно выступала за официальное признание, расширение и укрепление как экономических, так и политических связей с Советским государством. Коммунистическая партия Чехословакии придерживалась точки зрения, что укрепление отношений с Советским Союзом «является фундаментом, прочной основой, на которой может быть построено существование нашего государства» («Pravda chudoby», Vrutky, 17. únoga 1924).
- ⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. IV, апрель 1921 — май 1926 гг. М., 1966, с. 419—420.
- ⁵ «Локарнская конференция 1925 г. Документы». М., 1925, с. 497—498.
- ⁶ Об оценке договора см.: «Документы внешней политики СССР», т. V. М., 1961, с. 383—386.
- ⁷ «Документы внешней политики СССР», т. VIII. М., 1963, с. 582—617.
- ⁸ В 1925 г. Советскому Союзу был предоставлен кредит для финансирования советских заказов в Германии на сумму в 100 млн. марок. К концу ноября 1925 г. германская промышленность получила от Советского Союза в счет кредита заказы на металлоизделия, медицинские инструменты, химикалии, краски и другие товары на сумму около 60 млн. марок.
- ⁹ «Документы внешней политики СССР», т. III, М., 1959, с. 618—658.
- ¹⁰ «Документы внешней политики СССР», т. VII. М., 1963, с. 164—169; 171—174.
- ¹¹ Чемберлен О. (1863—1937 гг.) — английский политический деятель. В 1924—1929 гг. — министр иностранных дел.

151

Из протокола заседания Исполнительного комитета
Англо-чехословацкого банка в Праге***

Прага

11 ноября 1925 г.

... Торговое Представительство СССР в Чехословакии

Венграф ссылается на сказанное на заседании местного комитета 30 октября и сообщает о переговорах нашего заместителя директора Сылта с Советом управляющих Российского государственного банка в Москве. Он сообщает, что Российский государственный банк обратился

* Опущенный текст касается торговых и финансовых вопросов, не относящихся к СССР.

** В заседании участвовали: президент совета управляющих К. Зоннтаг, советники управления, директор Т. Х. Дартон, д-р К. Энглиш, д-р Г. Шихт, директор А. Венграф, Р. Клейн, Я. Гедульдигер, и Ф. Хиндле. Секретарь заседания — Ц. Бубела.